

МАРАТ ШАФИЕВ

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БАКИНСКОЙ ПОЭЗИИ

«Перепутанные звёзды...» или «Поэт куёт жемчужный стих»

Гражданская война в России сопровождалась массовым исходом интеллигенции из стылых и голодных городов на окраины Империи. С 1919 года значительная часть интернациональной вольницы, собравшаяся поначалу в Тифлисе, перемещается в Баку. Баку становится городом поэтов. Сергей Городецкий, в 1905 году посещавший «башню» Вячеслава Иванова в Петербурге, оплот русского символизма (именно здесь впервые Блок читал «Незнакомку»: *поэт взобрался на большую железную раму, соединявшую провода телефонов, и по неотступной мольбе гостей уже в третий, в четвёртый раз прочитал эту бессмертную балладу своим сдержанным, глухим, монотонным, безвольным, трагическим голосом* – из воспоминаний К.Чуковского о Блоке), но впоследствии с символистами разошедшийся и создавший акмеистический «Цех поэтов» (Гумилёв, Ахматова, Мандельштам), открывает в Баку филиал Цеха. На открытых заседаниях присутствовало до 500 человек. Замечательный сплав символизма, футуризма, акмеизма! не забыть бы ещё и пролетарского поэта Николая Тихонова (прибывшего в эшелоне 11-ой Красной Армии): *«Огонь, верёвка, пуля и топор,/ как слуги, кланялись и шли за нами».*

Город, как декорация, вполне соответствовал разыгрываемой драме, а может, избыточной пестротой даже отвлекал на себя большее внимание: восточные базары и каменный амфитеатр кварталов, сбегаящий по лестнице к слепящему синевой морю; чадра и фасонное платье; узоры ковров улавливались в цветных разводах нефти; шесты мечетей, пытающиеся смахнуть с неба назойливо жужжащий гидроплан; ночная поножовщина; опиумные полуподпольные комнатухи и нещадно, горько, как заядлый курильщик, чадающие заводы.

Впрочем, с установлением Советской власти в апреле 1920 года деятельность Цеха прекращается (прошло около 20 заседаний, отчёты сохранились в русской периодике города, насчитывающей до 50 наименований). Как альтернатива буржуазному декадентству учреждается «Кружок рабочих поэтов».

Основные фигуры литературного процесса с новой властью сотрудничают: Городецкий служит заведующим Художественным отделом БакКавРОСТА, редактирует журнал «Искусство», его стихами открывается Первый съезд народов Востока; Вячеслав Иванов, человек великой учёности, знающий древность наизусть, преподаёт в Университете классическую филологию (чтобы понять тематику его курсов, достаточно привести название одного из них: *Афинский буколион и древнейшие буколические культы в Аттике. К характеристике прадионисийских религий*). Но обвинённые в создании антиреволюционной организации «Огненные кресты» и поджоге нефтепроводов в 1923 расстреляны поэты: 27-летний Юрий Деген и Александр Порошин. Уже с 1921 года начинается исход: назад, в Россию, или ещё куда подальше – так в мае 1924 года уезжает в любимую Италию и Вячеслав Иванов.

Но наша повесть не о том фантастическом времени, а об одном человеке, в судьбе которого эпоха так показательно и счастливо отразилась.

Татьяна Ефимова (Вечорка)

родилась в Баку в 1892 году. Её отца назначили начальником Земельного управления Закавказья, и Татьяна заканчивала Институт благородных девиц уже в Тифлисе. В 1910 году отец неважно себя чувствовал, врач сказал: с такими почками больше двух лет не проживёте. Во дворе больницы он тут же и застрелился. Когда труп вскрыли, выяснилось, что никакой болезни нет. Мама тоже решила свести счёты с жизнью, но сначала надо было «завещать» детей: Татьяну и Алексея. Пока колесили по многочисленной родне, желание умереть пропало, и вдова осела в Петербурге.

В такой экзальтированной семье девушка никак не могла избежать участи быть поэтом. К 1914 году относятся её первые публикации в журнале «Лукоморье». Это потом она будет носить кожанку и клетчатую кепку, а пока в чёрном шифоновом с золотыми точками платье и широкополой шляпе ходит на занятия в Академию художеств, посещает модную «Бродячую собаку» и, как всякая курсистка, благоговееет перед Блоком. Правда, не так страстно,



как подруга Сонечка Михайлова, которая собирает окурки поэта и, плача, целует дверную ручку его квартиры. Но однажды на концерте они садятся рядом, и при ярком электрическом свете Татьяна с досадой отмечает лицо красно-кирпичного оттенка, яркие глаза в морщинистых мешках, и руки – тоже красные и словно отмороженные. Кумир фиксирует восторг девицы и, наклонившись, шепчет в ушко: тёмная весенняя ночь. В антракте Блок её ищет, но Татьяна сбегает, в голове стучит мысль: прекраснее всех, не смогу ни в чём отказать, я же девушка, он не женится, трагедия для мамы.

А затем уже описанное выше – бегство из Совдепии на «сытый» Кавказ за высокими горами, что от ига большевизма всё равно не спасает.

В пока ещё меньшевистском Тифлисе Вечорка даёт объявление в газете: поэтесса из Петербурга предлагает устраивать у себя литературные вечера. Откликнулись Кручёных, Городецкий, Терентьев, Зданевич – основа будущей «Альфы-Лиры»; они успели выпустить альманах «Фантастический кабачок» и её книжки: «Беспомощная нежность», «Магнолии». Тексты, набранные разными и непривычными шрифтами на папиросной или обёрточной толстой бумаге – последняя дань уходящему футуризму.

«Соблазн афиш» уже выходит в Баку. В 1920 году она уже не Ефимова, а Толстая. Понятное дело, Борис из тех самых Толстых, но в Баку живут непривычно тесно – четвертом в двух комнатах. Татьяна лежит в тифе, в нервном расстройстве, беременная, оглушённая бромом, рожать нет никакой возможности, но большевики под страхом расстрела запретили аборт. Своим рождением девочка обязана Провидению в лице Советской власти. Но у купели её стоит последний осколок Серебряного века. Вячеслав Иванов крестить новорождённую с именем Саломея или Дездемона

решительно отказывается, а вот Лидию с удовольствием – Лидией зовут его дочь и звали покойную жену. А чтобы крестная много путешествовала, он сыплет в купель горсть иностранных монет. Лидия в будущем действительно много путешествовала и даже по труднодоступным для «совка» забугорьям, но она не очень-то нуждалась во внешних раздражителях, переняв это свойство от матери: *«Просыпаюсь каждое утро с ощущением, что меня ждёт чудо. Вот выйду сейчас из дома и сразу попаду в рай»*.

Толстая делает надписи к агитплакатам, которые выставляются по всему городу: раскрепощение женщины, борьба со старым бытом, религиозными предрассудками, помощь голодающей России – взбученная до дна жизнь не переставала поставлять новые темы. Алексей Кручёных приводит на работу и вечно голодного, жёлтого Хлебникова. Поэт нищ и наг, но это и есть составные свободы: *«Свобода приходит нагая, бросая на сердце цветы»*. Зачастил Хлебников и в дом к Толстым. Никогда не моющийся, скверно пахнущий, он сыплет вшами и странной речью; такие же странные лекции об универсальном языке и числах, тождественных физическим законам, он читает за котелок пшённой каши матросам Каспийской флотилии.

Все гении более или менее сумасшедшие. После его ухода приходится затирать помещение керосином. Уже после смерти Председателя Земного шара Татьяна нарисует портрет: *«Входил нелепо, без звонка./ Стоял у двери, ждал и медлил/ Су-туловатый, как из петли,/ Как ватный дед без позвонка./ Лицо из глины или пыли,/ Понуренная горем старость./ Волосья, как солома гнили,/ А борода его, как заросль»*.

Непритязательный быт предполагает и лёгкость подъёма – в 1924 году снова трогаются с насиженного места. А в Москве – брюсовские курсы и родной «Цех поэтов»! На домашние литературные посиделки (последнее связующее звено между миром дворянской просвещённости и миром ликбеза), на скромное угощение – маленькие бутерброды, печенье, варенье к чаю – собираются гости: Кручёных, Городецкий, Пастернак, Асеев, поёт грузинские песни Григол Робакидзе, из старенького пианино извлекает вальс Генрих Нейгауз – все молоды, веселы, полны надежд. Новая книга Вечорки-Толстой, изданная в 1927 году, так и называется – «Треть души».

В 1934 году, после убийства Кирова, из всех крупных городов изгоняют дворян. Бориса Толстого, хоть и работавшего в Госплане, выслали в Алма-Ату. Он зовёт к себе жену и дочь. Татьяна пишет роман о Бестужеве-Марлинском, но, в отличие от жён декабристов, вслед за мужем не спешит – тем и спаслась. Бориса арестовали, он погибнет в 1942 году в Красноярском лагере.

Времена менялись. Из прежде живительных колодцев, в которых отражались звёзды, ушла вода. Декаденщина, модерн, ничевоки из «Подвала поэтов» – прошлое выжигалось калёной сталью. Имя Вечорки перестало существовать в литературном процессе. Но вот куда кривая повернула: муж Лидии – Юрий Либединский, вместе с Авербахом и Фадеевым, руководил РАППом.

Толстая находила счастье в своём присутствии и необходимости для другой жизни. Всех своих четырёх детей Лидия, по очереди принося из роддома, складывает на руки маме. Будучи разносторонне одарённым и образованным человеком, хорошо рисующая (Петербургская Академия художеств!), музицирующая, свободно говорящая по-французски, Вечорка всячески поощряла интерес внушек и внука к любым увлечениям такого рода.

Похороны её были многолюдными. Задубевшая на ноябрьском ветру молодёжь выпила, расшумелась. Кто-то их одёрнул. Лидия сказала: пусть шумят, она любила, когда шумно.

Через год – в 1966 – вышла её книга «Портреты без ретуши»: проза, поэзия, критика, особенно интересны дневниковые записи и воспоминания о Блоке, Хлебникове, Маяковском, Пастернаке, Цветаеве, Софии Парнок и других.

ТАТЬЯНА ЕФИМОВА (ВЕЧОРКА)

Сонет

Безумный остров мудрого зрачка,
Осыпанного северным свеченьем,
Волнует напряжённым приближеньем,
Укальывая мозг издалека.

Заледенели нежность и тоска,
Слабеет тело головокруженьем...
Подплыл, дрожа, горящий шар зрачка
Расколотый моим воображеньем.

Но вот, когда нельзя освободиться,
Нельзя бежать от подноготных чар,
Спадают чёрным парусом ресницы,
Сметая разлохмаченный кошмар,

И ластится венки цветов павлиньих
В твоих глазах – серебряных и синих.

Весна

Коловоротно и безвольно
Маячили колокола,
Звонарь не уходил с утра
Из перекладин колокольни.

Весна неласкова ещё:
Белеют капли, как чернила,
Перепадающим дождём
Оксидированы перила.

Когда весь частокол воздушный
Перетолчёт сверчок звонарь –
Я обрываю равнодушно
Оледенелый календарь.

«И голос мой окреп в дыму машинном...»

24-летний **Михаил Парамонович Юрин** революцию 1917-го принял с чистой совестью. Деревенский пастушок с прошлым («сиротская неласковая жизнь») давно порвал, слесарничал на Грозненских нефтепромыслах, и в Гражданскую – в самой гуще событий на родине: Самарский Губком, «Эх, ты, юность смелая! / Нам ли унывать, / Становись в колонны / Боевая рать». Тогда и начал «портить бумагу». Летом 1921 года Юрин уже в Тифлисе – редактор журнала с говорящим названием «Красные всходы».

25 или 26 октября 1924 года он посещает в гостинице «Ориенталь» вояжирующего Есенина – зачем? ведь вслед за литературными пролетарскими вождями он считает только что вышедшую «Москву кабацкую» – упадничеством, а самого поэта – подкулачником, забавлявшим когда-то царицу стихами. (Есенин, в свою очередь, ни в грош не ставит «поэтов от станка»: знакомые от века хулители старых устоев, неспособные создать что-либо сами.)

И это были не споры о вкусах, теперь-то удивительно, а тогда: природа языка – как орудия борьбы и господства различных социальных сил – классовая. И ярлыками припечатывали, точно свинцовыми пулями. Били не только по левым и правым попутчикам, но и по соратникам, в одночасье ставшим врагами: разгром ЛЕФа, переверзевицы, конструктивистов, перевальцев, формалистов.

Есенин сидел на кровати, на полу на газете «Комсомолия» громоздились бутылки красного вина. «Скучно, вот и пью, – оборвал Есенин попреки гостя. – Ты лучше своё почитай». Юрин собрался с духом: «Мой век – не тот, к чему таить,/ Покрой есенинский мне узок./ Борьбою схваченная блуза –/ Не поэтическая прить». Есенин развивал свою философию: «А вот я не люблю рабочего. Я – мужик. Если из окна вижу, что на улице идёт буржуй, я скажу рабочему: пойдём набьём ему морду, а когда мы побьём, я скажу рабочему: я тебя не люблю... Вот ты – русский, ответь: почему в «Комсомолии» одни жиды?» Эпизод этот Юрин упомянул в своих «Записках подававшего надежды» (1931): «Мне хотелось поскорее отделаться от него и не заглядывать сюда никогда».

В 1925 году в Москве он заведует литературным отделом журнала «Смена», а затем и «Молодая гвардия», но через год приказано возглавить в Баку местную ассоциацию пролетарских писателей. (Другим литературным кружком – менее идеологизированным – при газете «Бакинский рабочий» руководил Евсей Гурвич.) Собрания проходят по пятницам в помпезном Дворце «Исмаилия», конфискованном большевиками у нефтемагната Мусы Нагиева. Юрин, в неизменной косоворотке со стоячим воротом, застёгивающимся сбоку на две пуговицы, непрерывно призывает написать революционный Коран или хотя бы описать отдельных людей в революции – например, рабфакобку, в которой драматургии гораздо больше, чем в Беатриче: худую от голода, стриженную как мальчишка, но с горящим взором и со связкой учебников. Юрин всегда и завершал вечера (откидывая над куполом лба лёгкие, прямые, как нитки, волосы), критике его тексты не подлежали.

С 4 по 7 декабря 1927 года в Баку выступает Маяковский. Юрин всюду его сопровождает. А на судовой имени Парижской коммуны, в обеденный перерыв отгремев «Левым маршем», Маяковский спрыгнул с импровизированной сцены – токарного станка в механическом цехе и предложил послушать местных товарищей: Георгия Строганова, Сулеймана Рустама, Виктора Витковича. Одному из стихотворений Юрина рабочие дружно аплодировали: «Вагоновожатый, включи ток,/ До социализма – без остановок!»

5 марта 1932 года, вслед за Москвой, ЦК КП(б) Азербайджана распустил и пролетарских писателей, и другие альтернативные объединения. Под председательством Горького готовился Первый съезд писателей СССР, в национальные республики для разъяснения новой политики отправилась бригада. В «бакинской» бригаде и Юрин. Из этого следует, что с начала 30-х Юрин уже в Москве, где проработает до самой своей кончины в 1966 году.

Поздние связи Юрина с Баку прослеживаются, в частности, и в том, что к нему отправляет свои произведения для московских публикаций вернувшийся в 1926 году после семилетней эмиграции в Турции и Франции Юсиф Везир Чоменземинли. Баку («любимейший из городов») привлекал Юрина не столько восточной экзотикой, сколько той индустриальной панорамой, в которой прочитывались контуры будущего: «Закинув голову надменно,/Метех немеет на часах,/ Но мне милее несравненно/ Бакинские корпуса!»

Книги: «Родной гам», «Маки», «Половодье» (Тифлис: 1922, 1923, 1924), «Солнечная юность» (Москва, 1925), «Жизнь улыбается» (Тифлис, 1926), «Путь человека» (Баку, 1929), «Стихи о Кавказе» (Москва, 1931) и участие в самых разных альманахах – для нас интересны бакинские: «Десятилетию Октября. Гори, заря!» (1928), «Пески ветра» (1928).

МИХАИЛ ЮРИН

Старый Баку

Край мой любимый, горячий край,
В узких улицах песенный ветер.
О минувшем не пой на рассвете,
Ай, бабай!

В серой дымке повис минарет,
Муэдзин ловит солнце руками.
Караваны звенят бубенцами,
Караваны бредут на заре.

Льётся звон в золотой тишине,
Звуки эти понять я могу ли?
Лица жёлтые каменных улиц
Мне рассказывают о старине.

Мой любимый, песчаный край,
Не жалею отгоревшую радость.
Не грусти о минувшем, не надо,
Ай, бабай!

Всё равно белый иней кудрей
В бубенцы мою песнь не уложит.
Мне сирены милей и дороже,
Чем твоя монотонность полей...

Пусть идут равнодушно в пески,
Бубенцами звеня, караваны,
Пусть уносят в века за курганы
Годы старчества и тоски.

Край мой милый, горячий край,
В узких улицах песенный ветер.
О минувшем не пой на рассвете,
Ай, бабай!

1928
